Книжная Лавка Писателей
представляет

В Петербурге автор этой книги обитает в квартире, где жила Ирина Одоевцева, а в Комарово — в «будке» Анны Ахматовой

ПЕТЕРБУРГ: ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ

Валерий Попов

От Пушкина к Бродскому

Книжная лавка писателей

Валерий Попов

От Пушкина к Бродскому. Путеводитель по литературному Петербургу

«Книжная Лавка Писателей»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Попов В. Г.

От Пушкина к Бродскому. Путеводитель по литературному Петербургу / В. Г. Попов — «Книжная Лавка Писателей», 2016 — (Книжная лавка писателей)

ISBN 978-5-906150-84-4

Во все века в Петербурге кипела литературная жизнь — и мы вместе с автором книги, писателем Валерием Поповым, оказываемся в самой ее гуще. Автор на правах красноречивого и опытного гида ведет нас по центру Петербурга, заглядывая в окна домов, где жили Крылов, Тютчев и Гоголь, Некрасов и Салтыков-Щедрин, Пушкин и Лермонтов, Достоевский, Набоков, Ахматова и Гумилев, Блок, Зощенко, Бродский, Довлатов, Конецкий, Володин, Шефнер и еще многие личности, ставшие гордостью российской литературы. Кажется, об этих людях известно все, однако крепкий и яркий, лаконичный и емкий стиль Валерия Попова, умение видеть в другом ракурсе давно знакомых людей и любимый город окрашивает наше знание в другие тона. Прочитав книгу мы согласимся с автором: по количеству литературных гениев, населявших Петербург в разные времена, нашему городу нет равных.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906150-84-4

© Попов В. Г., 2016
© Книжная Лавка Писателей, 2016

Содержание

1 6
«КАТЬКИН САДИК» 9
ДЕРЖАВИН 10
КРЫЛОВ 12
ТЮТЧЕВ 14
ГОСТИНИЦА «ЕВРОПЕЙСКАЯ» 16
ДОМ ЗИНГЕРА 17
ЗОЩЕНКО 18
КУШНЕР 20
ГОГОЛЬ 21
ГОЛЛАНДСКАЯ ЦЕРКОВЬ 23
РОКОВОЙ ПЕРЕКРЕСТОК 24
Дом № 15 26
Дом № 13 30
Дом № 18 34
Дом № 16 36
Дом № 6 37
Дом № 3 38
Дом № 2 39
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД 41
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Валерий Попов
От Пушкина к Бродскому Путеводитель по литературному Петербургу

1
НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА!

По количеству гениев, населявших Петербург в разные времена, наш город не имеет равных. Понятие «гений места», обозначающее стечение таинственных обстоятельств, притягивающих будущих гениев или порождающих их, относится к нашему городу в высшей степени. Почему Пушкин, родившийся в Москве, засиял в Петербурге? А почему Лермонтов приехал сюда? А Гоголь?

Отчасти понятно – столица, Петербург был столицей тогда. Но и сейчас притяжение остается! Когда я возвращаюсь из Москвы и ранним утром выхожу из вокзала на Невский – снова ощущаю блаженство, почти забытое в тесной московской суете. Прохладный и пустынный в этот час Невский несет меня, словно медленная широкая река, к далекому золотому шпилю с корабликом наверху. И чем дальше – тем ощутимее свежесть, летящая с Невы. В Петербурге – сладко дышать, и никакие «пробки» не в силах этого отменить.

Наш город манит простором, свободой, легким дыханием, он не давит, дает развернуться и глубоко вдохнуть. Вот почему столько гениев оказалось здесь. И Петербург, как никакой другой город в мире, сохранил присутствие гениев, словно они только что прошли здесь, и ничего еще не успело измениться.

Вот здесь по Невскому проходил Пушкин – первый наш гений, и чуть больше века спустя – Иосиф Бродский, тоже достигший всемирной славы. Немало из литературной жизни нашего города я успел пережить, порой участвовал в этой жизни весьма активно, а если кого не видел, то знал и любил заочно – поэтому, я думаю, мне есть о чем рассказать. Помню, как еще в ранней юности, в пятидесятые годы, гонимый затаенным тщеславием я выходил на Невский и шел среди великих теней – с нелепой, но страстной надеждой вдруг оказаться в их строю. Но постепенно надежда таяла – никто не видел меня! На Аничковом мосту ветер вышибал слезы… Как же потрясен я был, когда примерно через десять лет прочел стихотворение великого Бунина, написанное как раз про то мое состояние – на этом же самом месте!

…И на мосту, с дыбящего коня
И с бронзового юноши нагого,
Повисшего у диких конских ног,
Дымились клочья праха снегового…
Я молод был, беспеченен, одинок.
В чужом мне мире, сложном и огромном,
Всю жизнь я позабыть не мог
Об этом вечере бездомном.

И я – «не мог»! Оказывается, Бунин, будущий нобелевский лауреат, на этом самом месте испытывал то же, что я! А вот тут, в начале Аничкова моста, на углу Невского и Фонтанки Достоевский, по его словам, пережил самый счастливый момент в жизни – выйдя от Белинского, который жил в этом доме: Белинский восторженно отозвался о «Бедных людях». Вот тут он стоял, счастливый Достоевский!

А место, где я впервые понял, что стал писателем, и возликовал – совсем недалеко отсюда, всего лишь на другом конце Аничкова моста. Все-таки я прошел через этот мост! И за ним – знаменитая «Книжная лавка писателей», где писатели покупают книги других писателей, а иногда и свои. И я однажды увидел, как, выйдя из Лавки, девушка вслух читает своему кавалеру мою первую книгу, и они смеются! О чем я как раз и мечтал! Я почувствовал прилив счастья, самый острый за всю свою жизнь, – а потом, помню, мелькнула здравая мысль (что она здравая, с годами понимаю все больше) – захотелось прыгнуть в Фонтанку и утонуть, ведь все равно уже большего счастья не будет!

«Книжная лавка писателей» – как она поддерживала нас! Именно из нее мы выносили в портфелях, радуясь и таясь, первые после долгого перерыва тома Ахматовой, Цветаевой, Олеши, Бабеля, Платонова, Мандельштама, Хармса. Долгий это был перерыв, начавшийся еще до нашего рождения – и впервые эти волшебные, прежде запретные, книги появились именно здесь, в «Книжной лавке»! Это был не просто магазин – это был клуб, равный какой-нибудь «Лавке Смирдина», где собирались писатели девятнадцатого века, а в Лавке – двадцатого.

И я еще не все сказал про этот просторный перекресток на пересечении широкой Фонтанки с Невским. По диагонали от того угла, за которым находится Лавка, поднимается пышный дворец Белосельских-Белозерских. Это памятник архитектуры «заката» девятнадцатого века – когда в погоне за личным успехом архитекторы отошли от канонов классицизма и стали щеголять друг перед другом своими домами, возник архитектурный стиль «эклектика», вобравший в себя все шикарное, что было во всех предыдущих архитектурных эпохах, и смешавший все в немыслимых сочетаниях. Одним из самых успешных тут стал архитектор Штакеншнейдер, построивший дворец Белосельских-Белозерских на столь заметном месте, и многие считают его памятником начала упадка великой петербургской эпохи, и не только в архитектуре, а и в других сферах. Впрочем, помпезный этот стиль был весьма популярен у вельмож во все эпохи. В советское время в этом здании был Куйбышевский райком партии. И поскольку большая часть культурных учреждений находилось в центральном, тогда еще Куйбышевском, районе, всех мастеров культуры таскали для воспитания сюда. Я этого времени, к счастью, уже не застал. Сейчас тут находится представительство президента. Штакеншнейдер, надо признать, угадал – вельможи всех времен безошибочно выбирают его стиль.

И то если первым считать угол, где был счастлив Достоевский, возле дома купца Лопатина, четвертый угол этого знаменитого перекрестка – величественный Аничков дворец, тоже памятник архитектуры своего времени, великой эпохи XVIII–XIX веков.

На престоле России неоднократно бывали женщины, и Аничков дворец – памятник их прихотям, свидетельство их, как бы помягче сказать, жизнелюбия. Дочь Петра Елизавета Петровна, взяв с помощью гвардейцев власть в 1741 году, проявила себе достойной преемницей отца, при ней Петербург активно строился. Но, в отличие от отца, она не умела управлять своими прихотями и то и дело давала им волю. Красивый и смышленый Алексей Разумовский прибыл в Петербург с котомкою и благодаря своему чудесному голосу был принят церковным певчим. Тут-то его и приметила сластолюбивая императрица. И вскоре он стал графом и морганатическим ее мужем. Безусловно, он обладал и талантами государственными, и фамилию свою не опозорил. Кого попало дочь великого Петра не полюбила бы! Однако мне хочется тут выставить на первое место творческую его одаренность и радостно воскликнуть: вот яркий случай, когда талант преодолел все! И великий Пушкин вспомнил об этом, с присущей ему насмешкой, отметил этот успех: «Не торговал мой дед блинами, не ваксил царских сапогов, не пел на клиросе с дьячками, в князья не прыгал из хохлов». Тут все намеки абсолютно прозрачны. «Торговал блинами» в молодости «счастья баловень безродный, полудержавный властелин» Александр Меншиков, любимец Петра. «Ваксил цар-

ские сапоги» камердинер Павла I – Кутайсов, ставший при Павле весьма влиятельным. «Пел на клиросе с дьячками» – это про Разумовского, фаворита Елизаветы, фактически управлявшего при ней государством. «В князья не прыгал из хохлов» – это про хитрого Безбородко, ставшего при Екатерине II канцлером. Безбородко – один из немногих фаворитов Екатерины, не побывавший в ее постели. Великие императрицы выбирали своих фаворитов не только по красоте, а еще и по уму, но и талант тут – не последнее дело: талантливые люди выходили наверх.

Для своего любимца Разумовского, некогда «певшего на клиросе с дьячками», Елизавета стала строить Аничков дворец. Строился он по проекту Земцова и Дмитриева. А после смерти Земцова строительство продолжалось под руководством Растрелли. Аничков дворец сначала был великолепным памятником эпохи барокко. Усадьба этого дворца с садом, павильоном, оранжереями, фонтанами, картинной галереей и «бальной залой» тянулась от Фонтанки до Садовой улицы. От Фонтанки провели канал, чтобы гости Разумовского могли прибывать по воде. Следующая великая императрица – Екатерина II подарила Аничков дворец своему фавориту Потемкину. Такова судьба этого дворца – быть роскошным подарком от великих императриц их талантливым фаворитам. Екатерина решила «подновить игрушку», и архитектор Старов перестроил Аничков дворец в стиле насаждаемого Екатериной классицизма.

Аничков дворец для многих из наших современников – это Дворец пионеров. Многие из нас стремились туда. Быть принятым в один из его кружков было весьма престижно. Сначала после проверки моего интеллекта меня приняли лишь в картонажный кружок, и только через три года, когда я поумнел, меня взяли в шахматный, который был в роскошном зале главного здания. Помню, как я поднимался по широкой мраморной лестнице, и впервые, наверное, почувствовал, что в жизни есть не только привычная нищета и теснота коммуналок, но и красота, величие, роскошь. Помню огромный деревянный резной зал, просвеченный солнцем, с большими окнами в сад, длинный строй столов с шеренгами шахматных фигурок на досках. Тут я из Ленинграда переносился в Петербург, превращался из ленинградца в петербуржца. Был здесь и замечательный литературный кружок, воспитавший много хороших поэтов, – с литературой в той или иной форме в Петербурге связано множество домов.

«КАТЬКИН САДИК»

За Аничковым дворцом, вокруг величественного памятника Екатерине II, раскинулся роскошный сквер, популярный у публики, в просторечии называемый «Катькиным садиком». Величественная, статная бронзовая Екатерина стоит высоко, а у ее ног по кругу расположились самые знаменитые ее сподвижники: русский мореплаватель адмирал Чичагов, великие полководцы Суворов и Румянцев, поэт Державин, вельможа Бецкой, основатель Воспитательного Дома, известный деятель в сфере образования и воспитания незаконный сын Трубецкого, давшего своему внебрачному сыну, как это было принято, лишь часть своей фамилии. Далее у ног императрицы стоят и сидят Дашкова, первая в России женщина-академик, Орлов-Чесменский, разбивший турок на море в Наваринском и Чесменском боях, канцлер Безбородко, великий Потемкин-Таврический, присоединивший к России Таврию. Много всяких легенд, в том числе и фривольных, рассказывают про этих людей и этот памятник… но как бы ни было все на самом деле (большинство легенд, конечно же, вымышлены), Екатерина знала, кого приближать к себе. И каждый из них сделал что-то весьма значительное для государства.

ДЕРЖАВИН

Остановимся на великом Державине – большинство знает о нем теперь лишь то, что он «благословил» Пушкина, но когда-то Державин был кумиром, первым поэтом государства – и сейчас, если открыть его стихи, – они потрясают.

И не случайно он оказался у ног великой царицы – ее роль в судьбе Державина весьма значительна. Тут мы видим пример – достаточно редкий, – когда власть и поэзия дружили, всячески способствовали друг другу в жизни и трудах, радовались успехам и добивались их посредством тесного и искреннего общения. Так бы везде и всегда!.. но это скорее исключение. Тут дело в личностях, в необыкновенно широкой одаренности и силе характера, которыми не всегда обладают как поэты, так и цари. Но эта пара подходила друг другу. Помимо высочайшего поэтического дара Державин обладал еще и твердым характером государственного деятеля, что бывает далеко не всегда. Начав службу солдатом Преображенского полка, успев повоевать с Пугачевым, позже он стал губернатором – сначала Олонецкой, а потом Тверской губернии, и везде проявлял рвение и необыкновенную честность, прививал образование, открывал училища и театры – что не могло не понравиться Екатерине II, так много сделавшей для просвещения России. И славу Державину принесла ода «Фелица», посвященная императрице, которая – что свойственно далеко не всем одам – была написана живым, порой даже шутливым стилем, с элементами сатиры, с выражением живых чувств автора – что прежде для оды было недопустимо, – но именно это и привело царицу в восторг! Вот уж действительно счастливая встреча двух равно одаренных людей! С Державиным пришла в русскую литературу живая речь – благодаря этому смог появиться и Пушкин!

Невский наполнен гениями! И особенно радостно видеть здесь памятник тем временам, когда цари и поэты обожали друг друга, как Державин и Екатерина II. Пушкину уже так не повезло. Но повезло нам: сколько великих встречаем мы во время прогулки по Невскому!

За памятником Екатерине II встает красивое мощное здание с колоннами и квадригой лошадей, управляемой Аполлоном, покровителем муз, наверху. Это – Александринский театр.

Здание выстроено в 1832 году великим архитектором Карло Росси – и за театр уходит улица его имени. Появление такого театра стало событием выдающимся: в нем помещалось 1700 зрителей. И выстроен он не зря – то было время небывалого взлета русской литературы и самого массового ее жанра – драматургии. Но без этого великолепного здания не было бы и гениальных премьер. Петербург притягивал гениев. Здесь были впервые поставлены самые знаменитые пьесы самых талантливых наших драматургов: «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор» Гоголя, «Гроза» Островского, «Чайка» Чехова. И площадь со сквером перед театром носит имя Островского.

С правой стороны площади, если смотреть со стороны Невского, тянется длинный дом с античными статуями в нишах. Это – хранилище литературы самых разных веков, знаменитая Публичная библиотека, Публичка, как привычно называют ее многочисленные посетители. В гардеробе, который сразу за входом, всегда пусть небольшая, но очередь – в гардероб, а потом – на проход. Публичка – одно из самых любимых, популярных и уважаемых мест в нашем городе. Сколько здесь красивых, тяжелых, умных томов – начиная от пергаментных, рукописных до самых последних! Сколько здесь создано диссертаций, новых книг! Даже я, спасаясь от жизненной суеты в этих строгих залах, где всегда тишина, написал здесь свои первые книги.

А торжественное ее открытие состоялось 2 января 1814 года. Со вступительной речью выступил директор А. Н. Оленин. Затем библиотекарь А. И. Красовский произнес речь – «Рассуждение о пользе человеческих познаний и о потребности общественных книгохра-

нилищ для каждого благоустроенного государства». Помощник библиотекаря Н. И. Гнедич огласил «Рассуждение о причинах, замедляющих успех нашей словесности» – тема, небезынтересная и сейчас. Наконец, помощник библиотекаря, он же гениальный баснописец Иван Андреевич Крылов, прочитал басню «Водолазы» – о пользе просвещения. И библиотека начала свою деятельность. В ней работали замечательные сотрудники, знаменитые литераторы не считали зазорным числиться в ее штате, среди них А. А. Дельвиг, В. Ф. Одоевский, М. Н. Загоскин.

КРЫЛОВ

Иван Андреевич Крылов двадцать пять лет отдал библиотеке и жил рядом в маленьком домике на Садовой. Угол библиотеки между Невским и Садовой улицей – круглый, с большими окнами и старинными часами. А чуть дальше по Садовой – маленький «крыловский домик» – там до сих пор литературная жизнь, выступают писатели и поэты.

На замечательном памятнике Крылову в Летнем саду (доберемся с вами и туда) великий баснописец, торжественно поднимаясь над многочисленными героями знаменитых своих басен, отлитых в бронзе, выглядит величественным и умиротворенным старцем. Однако жизнь его была полна происшествий, и отнюдь не всегда безопасных. По-разному складываются судьбы гениев. Теперь, когда мы снизу вверх, с почтением и обожанием взираем на них, трудно поверить, что кто-то их мог не любить. Увы – так. И не просто ктото, а первые люди государства, цари и царицы. Та же великая Екатерина II, обожающая Державина, ненавидела при этом Крылова. И даже выслала его из Петербурга. Казалось бы, кто же тронет его, «он же памятник»? Ан нет. Не обошлось тут, конечно, без политики. Если Державин еще солдатом участвовал в подавлении пугачевского бунта, то Крылов, как была убеждена Екатерина, был певцом «бунтарских, пугачевских песен».

И действительно – начинал Крылов с резкой сатиры на общество, с острых сатирических пьес и по велению Екатерины был сослан – правда, недалеко – из столичного блистательного Санкт-Петербурга в Москву, которая считалась тогда провинциальной и патриархальной. Впрочем, Москва была для него родным городом, там он родился и вырос. И лишь после смерти Екатерины Крылов возвратился в Петербург, поступил на службу – и продолжил писать. Сказать, что Крылов испугался и поэтому перестал писать сатирические пьесы? Да нет – он просто стал мудрее, хитрее, талант его закалился, окреп. Он понял самое главное для себя: не прямая критика недостатков, а аллегория создает, со времен Эзопа и Лафонтена, великую литературу. Исторический опыт чрезвычайно важен для нового автора, без него он беспомощен, гол, беззащитен. И – уже мудрый – Крылов начал свои знаменитые труды как бы с переводов общепризнанных мировых классиков: кто может против этого возразить? В 1805 году, в уже преклонном для тех веков возрасте – тридцати шести лет – он начал работу над баснями, прославившими его, с переводов знаменитого французского басенника Лафонтена – но делал это так, что басни эти воспринимались абсолютно русскими, созданными здесь на абсолютно российском материале, и навсегда вошли в сокровищницу русской литературы. Среди этих первых опытов – «Слон и моська», одна из самых популярных басен, постоянно цитируемая. Крылов сразу стал народным любимцем – басни его ходили не только в дворянском обществе, но и среди простого народа. Крылов необыкновенно расширил аудиторию читателей – книги его читались не только во дворцах, но и в избушках. Его строчки то и дело употребляются в жизни, особенно когда надо метко и хлестко сказать о чем-то. Лучше Крылова это сделать не может никто!

«Ай, Моська – знать она сильна, коль лает на слона!» «Чем кумушек считать, трудиться – не лучше ль на себя, кума, оборотиться», «А Васька слушает, да ест!» С Крыловым каждый из нас – златоуст, и за это мы так его любим.

Крылов лучшую половину жизни прослужил в Публичной библиотеке, дослужился до статского советника, был богат, но главное – его все знали и любили, он был для всех «дедушка Крылов», мудрый, веселый – как на памятнике в Летнем саду.

Как почти у каждого русского, у него были грехи – главным его грехом было обжорство. Его часто звали в гости, и с изумлением все наблюдали, с каким аппетитом – и главное, сколько съедает он! В последние годы он уже был весьма тучен, передвигался с трудом. По

слухам, именно из-за своего непомерного аппетита он и скончался, объевшись блинов. Даже и в смерти его есть что-то басенное, напоминающее знаменитую его басню «Демьянова уха».

ТЮТЧЕВ

После такого мощного персонажа, как Крылов, можно немного передохнуть, пройтись дальше по Невскому вдоль Гостиного Двора, поглазеть на товар, выставленный в витринах. И, немного передохнув, стоит, пожалуй, перейти Невский у высокой розовой башни бывшего Зеркального телеграфа, по которому раньше передавали новости, и оказаться на четной стороне, возле двух симметричных старинных доходных домов, принадлежавших прежде Армянской церкви, видной между этими домами в глубине двора. Невский знаменит еще и тем, что на нем расположены храмы самых разных церковных конфессий, и почти у каждого храма имелись свои доходные дома по обеим сторонам. На домах армянской церкви две мемориальные доски. Здесь жили Федор Иванович Тютчев, гениальный русский поэт, и Михаил Михайлович Сперанский, великий реформатор нашего государства.

Тютчев – еще одна великая и загадочная фигура русской литературы. Мы знаем его как одного из самых тонких, проникновенных русских поэтов – но это лишь одна ипостась удивительной личности. Стихи он писал как бы мимоходом, не придавал им значения, не стремился публиковать. Закончив университет, он поступил на государственную службу, в коллегию иностранных дел, и к концу жизни дослужился до тайного советника, чина очень высокого. Он не просто служил, он был обуреваем государственными идеями и политическими страстями, страстно ненавидел революцию, охватившую Европу, и противопоставлял Европу православной, консервативной России, писал страстные публицистические статьи – на одну из них даже обратил внимание император Николай I и похвалил ее. Как его внутренний мир отразился в стихах? Тютчев остро предчувствовал революционную катастрофу и трагически воспринимал окружающий мир – как остров света, окруженный бесконечной ночной тьмой. Поэтому столь же трагичны, хоть и прекрасны, его стихи о любви – и любви он предрекает скорую и неизбежную гибель:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей.

И как раз трагическое обострение чувств делает любовные стихи Тютчева столь пронзительными и незабываемыми. Именно ощущение скорой гибели мира порождает столь яркие картины природы, восхищающие нас, запоминаемые нами с детства на всю жизнь.

Зима недаром злится.
Прошла ее пора.
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
…Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя.
Весне и горя мало.
Умылася в снегу,
И лишь румяней стала
Наперекор врагу!

Я помню это стихотворение с самых ранних лет – бабушка читала его мне в самом начале, едва я стал что-то понимать, – и помню нашу общую радость: мы с ней смотрели в окно и видели начало весны.

Несмотря на трагическое миросозерцание Тютчев прожил долгую насыщенную жизнь, полную бурных страстей. Дважды был женат и оба раза на немках – Элеоноре и Эрнестине, имел много детей. Старшая его дочь Анна вышла замуж за известного писателя Аксакова и оставила весьма интересные воспоминания об отце.

В самом конце жизни Тютчев полюбил молодую Денисьеву, подругу дочери. Любовь эта продолжалась четырнадцать лет, до самой его кончины. У них было несколько детей. И именно благодаря этой страсти, безусловно – взаимной, Тютчев написал свои лучшие стихи.

Последние годы он прожил в доме у Армянской церкви на Невском проспекте, где могли жить, разумеется, только люди весьма успешные – при этом страдания не оставляли его. Умер он в 1873 году и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря, расположенного на нынешнем Московском проспекте.

ГОСТИНИЦА «ЕВРОПЕЙСКАЯ»

Продолжаясь дальше, Невский пересекается Михайловской улицей, ведущей к дворцу великого князя Михаила, где ныне Русский музей. На Невский и Михайловскую выходит гостиница «Европейская» – самый шикарный отель и ресторан, в мое время усердно нами посещаемый. В ту уникальную пору шестидесятых полная свобода духа счастливым образом сочеталась с тоталитарной жесткостью цен – и мы могли тогда не только чувствовать свободу, но и как следует отметить ее. И Бродский, и Довлатов, и Горбовский, и Соснора, и Кушнер успели это счастье вкусить. Может, поколение шестидесятников и вышло таким нахальным и многого достигло потому, что юность наша пировала не в подворотне, а в лучшем ресторане Санкт-Петербурга?

А пока, минуя «Европейскую», где прежних успехов нам уже не достичь, мы проходим мимо голубого с белым старинного дома Энгельгардта, где бушевали когда-то балы и маскарады, знаменитые на весь Петербург – в истории они остались благодаря драме Лермонтова «Маскарад», которая идет на сценах до наших дней.

ДОМ ЗИНГЕРА

Мы проходим вдоль дома Энгельгардта, в котором теперь вход в метро, и на нас кидается ветер с канала Грибоедова, бывшего Екатерининского. Широкий мост покрывает протоку под ним (там, в темноте и тесноте, я однажды надолго застрял на катере с друзьями). За мостом – огромный «Дом книги» с острым прозрачным куполом, увенчанным глобусом. Это, пожалуй, самый литературный дом не только в Питере, но и в России. Здесь, начиная с двадцатых годов прошлого века, были самые лучшие издательства, и по лестницам и этажам тут бегали еще молодые и красивые Алексей Толстой, Маршак, Шварц, Заболоцкий. Зощенко, Хармс – всех не перечислишь! Заболоцкий писал: «Летел по небу шар крылатый, и имя Зингер возносил».

Дом этот построен в пышном духе модной тогда архитектурной эклектики архитектором Сюзором для немецкой компании «Зингер», производящей и продающей замечательные швейные машинки. В каждом доме была она – нежные воспоминания о швейной машинке связаны у меня с бабушкой, ловко вынимающей и со щелчком вставляющей в бок машинки хитро сплетенный из никелированной стали блестящий челнок, непонятным образом пропускающий через себя швейную нитку. Помню восторг от гениального этого изобретения, к тому же красивого – машинка была так же торжественна, как рояль.

В годы Первой мировой «Зингер» – то ли за реальную, то ли вымышленную поддержку немецкого шпионажа – был вытряхнут из дома и из страны – но машинки служили еще долго. Потом здесь многие десятилетия находился «Дом книги», главный книжный магазин, и много издательств, среди них – «Советский писатель», при котором выросли почти все петербургские писатели 50–60-х годов. Сейчас литература вытеснена из этого дома, дом отреставрирован и стал как новенький, как тогда, когда здесь торговали швейными машинками, и буквы «Зингеръ» снова сверкают, торжествуя победу коммерции над литературой.

Глядя, как буквально под первоначальную старину реставрируются здания и дворцы на Невском, я испытываю довольно сложные чувства. Не осталось в «доме Зингера» ни следов замечательных двадцатых, ни примечательных шестидесятых, когда здесь сперва в литобъединениях, а потом в издательствах бушевали Голявкин, Битов, Конецкий, Довлатов, Штемлер, Арро и многие другие. Не было их? Так же как Заболоцкого, Введенского, Олейникова? Название «Дом Зингера» возвратилось, но от прежней его богатой литературной истории остался лишь книжный магазин, Дом книги, – всегда, впрочем, заполненный покупателями – и это радует.

ЗОЩЕНКО

Неподалеку от Дома книги и другой памятник истории литературы – дом чуть подальше по каналу – канал Грибоедова, 9, надстроенный в советское время специально для писателей. «Недоскреб», как называли его живущие тут писатели. Здесь жили Заболоцкий, Каверин, Форш, Шишков. Здесь жил Михаил Зощенко, пожалуй, – самый популярный русский писатель советской поры.

Зощенко не был «приезжим», как некоторые прочие гении, он родился в Петербурге – на Петроградской стороне, на Большой Разночинной улице, в многодетной семье художника. Однако корни семьи – на Украине, в Полтаве. И Зощенко в некоторых вариантах своей биографии указывает местом рождения Полтаву. Зачем? Писателям вообще свойственно присочинять. Если уж они выдумывают целые романы, то почему же немножко не присочинить и жизнь? Вероятно, своим выдуманным рождением в Полтаве Зощенко хотел усилить свое сходство с Гоголем, которого он обожал.

Откуда берутся гении? Почему в некоторых семьях они появляются, а в других – нет? По семейной легенде, основателем их рода был человек творческий, иностранный архитектор, «зодчий», приехавший для заработка в 1789 году на Украину из Италии и получивший при крещении в православие имя Аким. Отсюда, по легенде, из слова «зодчий» и образовалась, на украинский лад, их фамилия – Зощенко… Может, и так. Сочинять, как мы уже убедились, Миша Зощенко умел. Тем более, красавец-брюнет, он вполне походил на итальянца. Хотя и на украинца тоже… Отец его, Михаил Иванович, полтавский дворянин, стал художником. В журнале «Нива» славились его комические картинки из жизни украинских поселян. Он же делал потешные подписи под ними. Так что талант Зощенко понятно откуда. К сожалению, отец рано умер. И мать, Елена Осиповна (Иосифовна) Сурина, осталась в детьми. Одна, без мужа-кормильца, она вырастила восьмерых детей. Может быть, и в этом разгадка появления гения? Когда много детей – больше шансов, что хоть одного из них «поцелует Бог». И вот – одного! – Мишу, «Бог поцеловал». Что еще повлияло? Когда много детей и они вырастают вместе, они помогают друг другу в жизни: один за всех и все за одного. Самая старшая сестра – Елена, Лелька – была веселой, энергичной, придумывала разные авантюры и всю жизнь старалась помогать младшему братику Мише. Но главное – именно про нее, про ее проделки, Михаил написал гораздо больше, чем про других братьев и сестер. Остальные сестры и братья – Валентина, Юлия, Тамара, Владимир, Вера, Виталий – были хорошими людьми, жили как все. Но ни у кого из них, кроме Михаила, не было таланта. Судьбы их обыкновенны в отличие от судьбы их гениального брата.

Конечно, большое влияние на него оказала мать, Елена Осиповна. Она была волевая, энергичная, одаренная – раньше была актрисой, потом стала писать рассказы для популярного журнала «Копейка». Что унаследовал Миша из ее творчества? Наверное, самое главное: в рассказах должны быть переживания! Она не просто вырастила детей – но и «определила», – успела каждому сказать самое важное. Михаилу она сказала так: «У тебя закрытое сердце. Как и у твоего отца». И фраза эта поразила его, и вся его литература – попытка раскрыть сердце. Но не впрямую – для человека с закрытым сердцем это мучительно – а через «маску», которую сочинил для себя Зощенко. Один из признаков гения – он сразу, в первую очередь сочиняет себя, своего героя, и делает это очень решительно, и, как правило, неожиданно, потрясая всех. Пушкин, например, был дерзким нарушителем всех прежних литературных правил. Зощенко тоже всех поразил. Он был дворянин, воспитан в традиционной дворянской культуре, был образцовым офицером царской армии. И вдруг после революции, когда начались гонения на дворян, особенно на офицеров – он вдруг перешел на сторону «победившего класса», на сторону рабочих и крестьян… которые на самом деле никакими

победителями не были, влачили такое же существование, как и раньше, а может быть, даже хуже. Ну, из окраинных лачуг их переселили на лучшие улицы города, включая Невский, в бывшие роскошные квартиры буржуев и дворян… и образовались чудовищные коммуналки! Каких немало на Невском до сих пор. И «певцом» всего этого хаоса стал Михаил Зощенко, оказавшийся в такой вот жуткой коммуналке, в доме на углу Невского и Большой Морской, вход со двора, и написавший о «полудиких» обитателях этих трущоб, причем – сочувственно и смешно, за что его сразу же безумно полюбили миллионы обитателей этих трущоб.

Гений всегда парадоксален, не как все («как все» уже надоели!) – он вроде бы пишет об ужасах, а читать почему-то радостно и жить легче.

«…А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. Повернуться негде. А тут двенадцать человек вперлось. Хочешь, например, одного по харе смазать – троих кроешь. И, конечное дело, на все натыкаешься, падаешь. Не то что, знаете, безногому инвалиду – с тремя ногами устоять на полу нет никакой возможности. А инвалид, чертова перечница, несмотря на это, в самую гущу вперся. Иван Степаныч, чей ежик, кричит ему: „Уходи, Гаврилыч, от греха. Гляди, последнюю ногу оторвут!”»

Ужасы под гениальным пером превращались в шедевры смеха. Зощенко стал истинно народным писателем. Однажды ларек, где Зощенко продавал свои книжки, толпа снесла с места. Остановку автобуса на Невском, которая называлась «улица зодчего Росси», кондукторы называли «улица Зощенко», и кому надо выходили. Новые обитатели центра в старой культуре разбирались не шибко, кто такой зодчий Росси – понятия не имели, а вот Зощенко, который писал про них, они знали! Зощенко не ошибся, отдав свой талант народу.

После I Съезда писателей в 1934 году писатели были «выстроены», поделены на категории. Зощенко получил высшую. В одном из самых красивейших мест Ленинграда, там, где канал Грибоедова пересекается с Невским, в том самом писательском «недоскребе» Зощенко получил самую престижную квартиру – четырехкомнатную, с камином. Власти не могли не считаться с его популярностью – хотя он изображал совсем не тот «советский народ», какой бы им хотелось увидеть.

В результате семейных неурядиц, но главное, после официальных проработок, когда его фактически запретили печатать, Зощенко сильно скатился по «официальной лестнице», и из шикарной четырехкомнатной оказался в тесной двухкомнатной – в этом же самом доме, что, наверное, было особенно горько. Гениальность опасна! Зощенко кончил дни в опале и бедности. Но за это мы любим его еще больше.

Рассказывают, что однажды «лихой москвич» Катаев, заложив «грустного петербуржца» Михаила Зощенко, все же приехал тогда к нему в этот дом на грибоедовском канале, позвонил в дверь и встал на колени: «Миша, прости!». И мягкий петербуржец Зощенко его простил. После этого, недолго думая, «лихой москвич» заложил его снова и снова приехал, и позвонил в дверь: «Прости. Миша!» Но Миша в этот раз его не простил. Он сказал: «Ты становишься однообразным». Так гласит легенда, которыми буквально напичкан этот дом, полный когда-то литературной жизни. Этот кусок канала Грибоедова вообще необыкновенно насыщен: напротив «недоскреба» – Михайловский театр оперы и балета, чуть дальше – корпус Бенуа Русского музея, и венчает эту часть канала храм Спаса-на-Крови на месте убийства народовольцами императора Александра Второго, построенный наподобие старинного храма Василия Блаженного в Москве, что несколько неожиданно смотрится в Петербурге – однако при всем том этот пейзаж прекрасен. Помню, как мы детьми после войны ползали в руинах храма, собирали яркие осколки мозаики с осыпавшихся куполов и выкладывали из них свои рисунки.

КУШНЕР

Замечательно про это место нашего города написал лучший поэт современности Александр Кушнер, который тоже вырос на этих берегах:

Вот грибоедовский канал,
Удобный для знакомства,
Где старый друг меня снимал
Для славы и потомства.
Бумажный сор у моего
Носка юлит неслышно.
Со славой, друг мой, ничего
Пора сказать, не вышло.
Но так прекрасен дом, канал,
Край неба темно-алый,
Как будто все сбылось, что ждал.
И сверх того, пожалуй.

Да – литература тем и хороша, что дарит нам что-то «сверх того», добавляет полноты и остроты нашей жизни. Пойдем по Невскому дальше.

ГОГОЛЬ

С узкой Малой Конюшенной улицы сморит на нас памятник еще одному гению, прославившему Невский проспект – Николаю Васильевичу Гоголю.

«Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайне мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блестит эта улица – красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бедных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волоса и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уж пахнет одним гуляньем. <…> Всемогущий Невский проспект!»

И молодой Гоголь, Гоголь-щеголь, только что приехавший в Петербург, оставил свои следы на тротуаре Невского, и был счастлив здесь! И нарисовал самый точный, самый эмоциональный его портрет: «Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими, только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих. <…> По улицам плетется нужный народ: иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу…

<…> В двенадцать часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностию изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самих магазинах. Гувернантки, бледные миссы и розовые славянки, идут величаво позади своих легеньких, вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее; короче сказать, в это время Невский проспект – педагогический Невский проспект.»

И об этом Гоголь тоже знает не понаслышке – наверняка и он проходил здесь с вверенными ему чадами. Приехав в Петербург из малороссийского города Нежина, закончив лицей, где он прославился забавными байками и актерскими способностями, Гоголь был полон самых тщеславных планов, но в первое время вынужден был работать педагогом сперва в семьях, а после – в учебных заведениях.

«Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернеров, педагогов и детей… <…> В это благословенное время от двух до трех часов пополудни, которое может назваться движущеюся столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой – греческий прекрасный нос. Третий несет превосходные бакенбарды, четвертая – пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая – ножку в очаровательном башмачке, седьмой – галстук, возбуждающий удивление, осьмой – усы, повергающие в изумление. Но бьет три часа, и выставка оканчивается, толпа редеет… В три часа – новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтиться по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; в их голове ералаш и целый

архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии.»

И Гоголь тоже ходил по Невскому в этой зеленой чиновничьей толпе – покончив с преподаванием, служил в департаменте уделов, и потом изобразил с невиданной силой тягостную и трогательную жизнь чиновного люда. Вспомним его гениальную «Шинель» или еще более пронзительные «Записки сумасшедшего», где чиновник от бесправия своей жизни, от безнадежности сходит с ума.

Гоголь изобразил и блеск Невского проспекта, и сладкие грезы, возникающие тут, и опасность слишком сладких надежд. Лучше него про Невский не написал никто. Одно время он и жил тут неподалеку, на одной из близлежащих улиц – на Малой Морской. И туда мы еще заглянем.

Чуть дальше по той же стороне Невского находилась знаменитая книжная лавка Смирдина, где на открытии были и Пушкин, и Гоголь, и Крылов, и Жуковский, и Вяземский, и потом не раз встречались здесь. Сейчас туда поднимаешься на несколько ступенек и оказываешься в уютной кондитерской в старинном стиле, с книжными шкафами и надписью на стене, напоминающей о том, что здесь было.

Поперечные тихие улочки, пересекающие в этом месте Невский, назывались одно время громкими именами душегубов и цареубийц, боровшихся, впрочем, за светлое завтра. Улице Желябова, названной в честь вождя народовольцев, и улице Перовской, махавшей платочком своим единомышленникам, убившим Александра Второго, возвращены прежние исторические названия – Большая Конюшенная и Малая Конюшенная. Большая Конюшенная вдали упирается в здание царских конюшен и неказистую Конюшенную церковь, где отпевали Пушкина.

ГОЛЛАНДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Между Мойкой, где была последняя пушкинская квартира, и Большой Конюшенной, ведущей к церкви, где его отпевали, стоит красивый голубой дом с куполом посередине. Это великолепное творение архитектора Жако – голландская церковь с двумя ее доходными домами по краям. В одном из этих домов жил знаменитый дипломат фон Геккерн, вошедший в историю прежде всего потому, что погубил Пушкина. Именно из-за его интриг в пользу его как бы приемного сына Дантеса, с которым его связывали вовсе другие узы, и состоялась роковая дуэль Пушкина: Геккерн усиленно сводил красавца Дантеса с женой Пушкина Натальей Николаевной. Успеха им добиться не удалось, но сплетни были для Пушкина невыносимы, и дуэль неизбежна. Именно в доходный дом голландской церкви было доставлено Дантесу оскорбительное письмо Пушкина, где он назвал Геккерна «старой сводней».

Другой злодей другой эпохи тоже отметился в этом доме. После революции, в двадцатые годы, в Питере «блистал» знаменитый грабитель Ленька Пантелеев – его налеты славились необыкновенной дерзостью. На его поимку была брошена вся милиция, были присланы лучшие агенты из Москвы – а он щегольски появлялся в самых людных местах, дорогих ресторанах так, словно ничего не боялся. Милиция обкладывала его в очередной раз – и он в очередной раз непостижимым образом уходил. Город был полон невероятными слухами и вымыслами – вплоть до того, что Ленька – гость из преисподней. Но гораздо шире ходил слух о благородном разбойнике, грабящем неправедных богатых и помогающем сирым и бедным, посещающем обиженных вдов с риском для его жизни. Легенды такие, начиная с Робин Гуда, весьма живучи и, видимо, соответствуют мечтам забитого народа – особенно характерно возрождение этой легенды в эпоху НЭПа, когда народ вместо результатов революции, которых он ждал, увидел жирных и наглых нэпманов. В то время в доме Голландской церкви находился шикарный обувной магазин Петрокожтреста – элитный, как бы сказали теперь (и сейчас Невский занят модными бутиками). Ленька попался вовсе не у бедной вдовы, придя к ней с помощью (было ли такое?), а при покупке очередных модных «шкар». Без этого он, видимо, уж не мог. Появился он там, как всегда, спокойно и в самое людное время, светски раскланиваясь со всеми, кто смотрел на него, открыв рот. Видимо, без таких представлений он тоже не мог уже жить, за что и заплатил жизнью. А город, видимо, не может жить без легенд, пусть даже злодейских.

Милиция сбежалась к этому дому – и Ленька опять, отстреливаясь и заодно пристрелив нескольких своих восторженных почитателей, снова ушел!

Но в этот раз уже милиция «встала на дыбы». Были устроены засады во всех местах, где мог оказаться Ленька, – и наконец он все же попался, подтвердив, что никакого чуда в его существовании нет, а есть лишь бандитский талант, дерзость и ловкость. Загнанный в глухой двор, он погиб в перестрелке. Вот такая «злодейская» история у этого прекрасного на вид дома, построенного замечательным архитектором. Жизнь и литература порой пересекаются самым удивительным образом. Известный и всеми любимый детский писатель Леонид Пантелеев при рождении был назван иначе. А псевдоним выбрал себе явно неслучайно – созвучие Леонид Пантелеев привлекает повышенный интерес.

РОКОВОЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Пройдем чуть вперед – и у Зеленого моста через Мойку открывается прекрасный – и трагический – перекресток. Главные моменты пушкинской жизни и смерти связаны с ним. Чуть вправо от перекрестка вдоль Мойки огромное красное здание бывшего когда-то знаменитым «Демутова трактира», который несмотря на грубоватое название был самым изысканным отелем своего времени. Сюда в 1811 году дядя Василий Пушкин привез своего юного племянника Александра из Москвы, чтобы определить его в лицей. Впоследствии Пушкин не раз останавливался здесь: в 1827 году, получив высочайшее позволение покинуть Михайловское, приехал сюда и снял бедный двухкомнатный 33 номер окнами во двор. И все холостяцкие годы трактир был основной резиденцией Пушкина. В 1828 он написал тут свою «Полтаву». В 1831 году он приехал сюда из Москвы с молодой женой.

И последняя, самая знаменитая, квартира Пушкина тут же рядом, за плавным поворотом Мойки. Проходим через деревянные ворота с низкой калиткой (под рост Пушкина?) в просторный двор, мощеный, как при нем, камнем. Поднимаемся по узкой черной лестнице, на которой доктор Арендт вывешивал бюллетени о состоянии Пушкина после дуэли вплоть до последнего дня. С лестничной площадки входим в квартиру.

У гениального человека все гениально – я не помню еще таких комнат, где бы так отпечаталась личность, – всюду он. Какое-то переселение Пушкина в тебя происходит в эти минуты. Помню, особое потрясение пережил я в одно из посещений, вдруг отстав от экскурсии и постояв у окна. Вид был какой-то сельский, уютный, интимный: прохожих не было, Мойка сверкала почти на расстоянии вытянутой руки. И он видел точно это, стоя здесь! – пронзило вдруг ощущение.

Возвратившись на перекресток Невского, видим на той стороне Мойки вывеску «Вольф и Беранже». В день дуэли, 27 января, Пушкин здесь встретился с Данзасом, секундантом, выпил стакан лимонаду и поехал на Черную речку. После дуэли был привезен, смертельно раненный, в свою квартиру на Мойке и уже не выходил из нее больше никогда.

На углу Мойки и Невского и сейчас работает, в несколько измененном виде, кафе «Вольф и Беранже». При Пушкине оно было оформлено в модном тогда китайском стиле. Были разложены свежие газеты. Посетители узнавали новости и оживленно их обсуждали. В этом кафе после смерти Пушкина распространялось знаменитое лермонтовское стихотворение «На смерть поэта», что нашло свое отражение в полицейских документах – после чего Лермонтов был сослан в первую свою ссылку на Кавказ. Да, роковой перекресток.

На другой, нечетной стороне Невского, красуется барочный дворец Строгановых – самое старое и самое ценное здание на Невском, шедевр Растрелли. Строгановы – сибирские промышленники, происходившие из купцов (на их гербе два соболя поддерживают щит), стали одной из самых знаменитых семей России. А. С. Строганов принимал деятельное участие в создании Публичной библиотеки, занимал должность президента Академии художеств.

Потому так и замечательно идти по Невскому, что каждый дворец – цветник талантов, прибежище муз, привлеченных сюда не просто богатым, но и даровитым чутким хозяином. Во дворце Строганова читал свои стихи Державин, посвятивший А. С. Строганову свое стихотворение «Любителю художеств». Композитор Бортнянский, гений тех лет, сочинил на эти стихи кантату. Здесь читали свои сочинения Крылов, Фонвизин, Гнедич. В салоне Строгановых бывали все выдающиеся художники, скульпторы, певцы. Замечательно одаренным было дворянское сословие тех лет, и без их горячего участия не было бы такого расцвета муз, да и других сфер человеческого духа. Ныне в этом дворце – филиал Русского музея, где устраиваются в основном выставки, связанные с современным искусством.

Далее на той же стороне Мойки, чуть отступив, как это было принято, вглубь, стоит дворец первого гетмана Украины Разумовского. Он же – президент Петербургской Академии наук! Вместе с соседним дворцом и этот в конце XVIII века был передан Воспитательному дому, а затем Николаевскому сиротскому институту. Основателем Воспитательного дома и многих других учебных заведений России был вельможа Бецкой, чей бюст сейчас стоит в сквере перед парадным входом. Великие мира сего отнюдь не были лишены сердца, сочувствия к несчастным и обездоленным – поэтому-то время и кажется теперь столь замечательным. Теперь здесь Педагогический институт имени А. И. Герцена.

Дом № 15

Перейдем Мойку по Зеленому, затем Полицейскому, затем Народному, а ныне снова Зеленому мосту, и перед нами дом № 15 – самый, пожалуй, знаменитый дом на Невском, повидавший так много на своем веку – точнее, за свои века. Здесь был и Мытный двор – таможенная служба, и рынок, где корабелы, работающие в Адмиралтействе, покупали провизию, ели и пили. Затем здесь был огромный деревянный дворец Елизаветы Петровны. Екатерина II, придя к власти, повелела разобрать этот ненавидимый ею дворец, где она жила при Елизавете Петровне бесправной женой великого князя Петра Федоровича, будущего Петра III, с которым властная и мстительная Екатерина обошлась не лучше, чем с этим дворцом. И теперешний дом, сохранившийся без особых изменений, был построен в 1786 году (в XVIII веке) для петербургского полицмейстера Чичерина (поэтому мост через Мойку долго назывался Полицейским). Потом он был домом Куракина, домом Коссиковского, домом Елисеевых – хозяева не раз менялись. Одна из загадок этого самого исторического дома на Невском – его архитектор. Исследователи называли разные имена – Кокоринов, Квасов, Валлен-Деламот, Фельтен. Теперь принято считать автором Валлен-Деламота, построившего и знаменитый Гостиный Двор. При сыне Чичерина в доме был знаменитый музыкальный клуб, который посещали самые знаменитые писатели того времени – Фонвизин и Радищев. При новом хозяине, купце Коссиковском, здесь жил один из самых популярных писателей своего времени – Николай Греч. Он издавал журнал «Сын Отечества», где печатались Батюшков, Жуковский и Пушкин. Надо признать, что третьесортные сочинения Греча раскупались в значительно больших количествах, чем книги живущих в одно время с ним гениев. Так что мечта о том, что мужик «понесет с базара» самых лучших писателей, была несбыточной, увы, всегда.

В корпусе дома Коссиковского жил Александр Сергеевич Грибоедов. Там стоял его знаменитый рояль, который он всюду с собой возил, ведь Грибоедов был еще и замечательный композитор. Самый его знаменитый, прекрасный и грустный, вальс часто играют и сейчас. Тут его посетил Пушкин, который потом написал: «Он был печален и имел странные предчувствия». И предчувствия сбылись – Грибоедов уехал в Тегеран и там погиб, спасая от погрома армянских женщин.

До 1825 года в этом доме находился знаменитый ресторан «Талон», замечательный хотя бы уже тем, что его воспел Пушкин.

К Talon помчался: он уверен
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел – и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток;
Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром Лимбургским живым
И ананасом золотым.

После дом отошел знаменитой династии купцов Елисеевых – их знаменитые магазины еды и в советское время назывались «елисеевскими». Купцы были образованнейшими людьми, обожавшими искусства. Сейчас бы нам таких! В доме их в 1870-е годы было «Благородное танцевальное собрание», потом переименованное просто в «Благородное собра-

ние». И здесь читали свои новые сочинения И. Тургенев и Ф. Достоевский, причем Достоевский, как известно, страшно завидовал успехам и гонорарам Тургенева – тот был тогда гораздо более любим читающей публикой.

Но самая большая литературная слава настигла этот дом, как ни странно, в советское время. 19 декабря 1919 года по инициативе Горького и Чуковского здесь открылся знаменитый Дом искусств, который вскоре в стиле модного тогда модернизма стал сокращенно называться Диск. Здесь открылась дешевая, а для некоторых и бесплатная, столовая, что в голодное время многих спасло. Потом в этом доме разрешили даже селиться писателям и поэтам, тут жили Николай Гумилев, Александр Грин, Михаил Зощенко, Осип Мандельштам и много других замечательных литераторов. А выступали тут Горький, Блок, Ахматова, Маяковский, Хлебников, Мандельштам, Пастернак – в общем, не было в ту хмурую пору российского гения, который не побывал бы тут!

В рукописном журнале «Чукоккала», который все годы вел Корней Чуковский, осталось много записей, показывающих жизнь и быт Диска, например прошение Алексея Михайловича Ремизова, замечательного писателя и непревзойденного стилиста:

В Дом искусств
В совет старейшин
Алексея Ремизова
Жалобное о помощи
Прошу, если возможно, не откажите, выдайте мне
Денег долгосрочно
Захирел и озяб.

Замечательный художник Анненков – художники часто там устраивали выставки – вспоминал:

«… Писательская семья была действительно семьей. Я этого никогда не наблюдал до революции и не видел за границей. Собрания, собрания, собрания. То здесь, то там. Доклады, конференции, прения, смех, ругань, снова смех, споры, иногда – отчаянные споры: о Сервантесе, о сыпняке, о Достоевском, о холере, о жареных цыплятах… да, о жареных цыплятах. Я помню, как Зощенко сказал однажды, что жареные цыплята научились, по-видимому, летать, так что их теперь никак не поймаешь. Меньше всего говорили на исторические темы, несмотря на переживаемый „исторический момент"». Это был последний оплот «изящной жизни» на Невском проспекте, а может быть, и во всей России. Вот как описывает это Георгий Иванов в своей книге «Китайские тени»:

«В 1920 году зимой прохожие, очень редкие в этой части города (угол Мойки и Невского проспекта), могли видеть странное зрелище. К ярко освещенному подъезду (среди полного мрака соседних) подходили господа и дамы буржуазного вида, и швейцар, кланяясь, распахивал дверь. Третий этаж был ярко освещен. Видны были хрустальные люстры, порой слышалась музыка. С улицы, пожалуй, больше ничего нельзя было разглядеть. Но и этого было достаточно, чтобы потрясти советского пешехода. По Невскому летает ветер, хлопая вывесками разграбленных магазинов (вышел декрет, чтобы и вывески снять). Холод, ночь, нищета – и вдруг…

Дамы и господа буржуазного вида продвигаются по ярко освещенной лестнице. Они чинно снимают шубы и идут дальше через какие-то блестящие помещения. Всюду зеркала. Дамы пудрятся, кавалеры поправляют рукою и без того прилизанные проборы. Сдержанный говор, шелест шелка, запах духов…»

Чем объяснялось это чудо? Ну, конечно же, не богатством. Богатых больше не осталось. Многие голодали. Но люди старались быть в форме, и удерживало их – искусство! Здесь выступали знаменитые пианисты, замечательные поэты, в их числе – Александр Блок.

Конечно, этот клуб был бельмом на глазу советской власти. А может быть, наоборот – глазом на сплошном бельме, расплывшемся вокруг?

В январе 1921 года в Доме искусств был бал-маскарад. Он вышел необыкновенно веселым и многолюдным. Спиртного не было – негде было его взять. Но всеобщий восторг был!

На другой день в «Красной газете» под грозным псевдонимом Браунинг появились разоблачительные стихи:

«Разутюженные брючки,
Миль пардон, какие ручки!»

Конечно, никакие «разутюженные брючки» в данный исторический момент не допускались – это приравнивалось к контрреволюции. Поэт Василий Князев, скрывающийся под псевдонимом Браунинг, выглядит на сохранившейся фотографии как надо – расхристанным, с расстегнутым воротом! А может, он был на балу – и во фраке? А?

Разоблачительные свои стихи он закончил, однако, призывом: «Чека! Где ты?»

Чека откликнулось. Однажды во время завтрака все выходы были заняты мрачного вида красноармейцами, и элегантный молодой человек в галифе, проверив заодно документы у всех завтракающих, опечатал буфетную огромными красными печатями.

3 августа 1921 года поэт Гумилев был арестован прямо в Доме искусств. 2 августа он провел последнее занятие со своими студийцами, а 3 августа на рассвете его арестовали. 25 августа 1921 года тридцатипятилетний Гумилев был расстрелян – по обвинению в участии в заговоре против власти.

Некто Бобров, провокатор и стукач, знакомый со многими литераторами, сказал при встрече М. Лозинскому:

«Да… этот ваш Гумилев… Нам, большевикам, это смешно. Но знаете, шикарно умер. Я слышал это из первых рук. Улыбался, докурил папиросу… Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвел впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало кто так умирает. Что ж – свалял дурака. Не лез бы в контры, шел бы к нам, сделал бы большую карьеру. Нам такие люди нужны.»

Именно такую геройскую смерть Гумилев и искал. И написал об этом:

И умру я не на постели
При нотариусе и враче…

За две недели до этого был похоронен на Смоленском кладбище Александр Блок, в своей поэме «Двенадцать» воспевший революцию – и погубленный ею…

О конце Дома искусств писал в своих воспоминаниях замечательный поэт Ходасевич: «Жизнь была очень достойная, внутренне благородная, проникнутая подлинным духом творчества и труда. Потому-то и стекались к нему люди со всего Петербурга – подышать его чистым воздухом и просто уютом, которого лишены были многие. По вечерам зажигались многочисленные огни в его окнах – некоторые видны были с самой Фонтанки – и весь он казался кораблем, идущим сквозь мрак, метель и ненастье. За это Зиновьев его и разогнал.»

Дом Искусств официально был закрыт в начале 1923 года.

Когда я приехал в Ленинград, еще не будучи школьником, в 1946 году, в этом доме был кинотеатр «Баррикада». Название правильное, большевистское. Помнил ли кто-нибудь, что в этом здании шла когда-то замечательная жизнь?

Теперь здесь роскошный отель «Талион» с развевающимися у входа флагами всех стран. А что тут было в другие эпохи? Мемориальная доска Грибоедова, правда, есть. А как же другие гении, жившие здесь?.. Но не портить же этими бесчисленными досками только что отреставрированный «под старину» роскошный фасад!

Хранить надо не только древнюю историю, но и ту, при которой жили мы. Помню, отец рассказывал, что в Строгановском дворце жили в тридцатые годы лучшие специалисты Всесоюзного института растениеводства, профессора, академики. Кто это помнит теперь?

Идем дальше по Невскому, приближаясь к Адмиралтейству, как бы замыкающему Невский. Впрочем – скорее это не конец, а начало: Невская «першпектива» возникла как просека, которую вели от Адмиралтейства, где строили на Неве корабли, к скрытой в чаще лесов Александро-Невской лавре. Корабельщики и монахи прорубались через леса навстречу друг другу – предполагалось, что это будет абсолютно прямая просека и из морского центра – Адмиралтейства – откроется вид на духовный центр – Лавру. Однако лазеров тогда не было – да думаю, что и с лазером бы промахнулись. Одно из самых распространенных ныне выражений – «не срослось». В результате сошлись на площади, где стоит теперь Московский вокзал, криво и слегка под углом: из морского центра духовный центр не видать. Хотя кривизна вообще редкость для Петербурга. И каждый раз чемто объяснима. Последние улицы, пересекающие Невский – большая Морская и Малая Морская, населенные прежде корабелами, а после ставшие самыми шикарными улицами города, – тоже чуть искривлены: домики строились вдоль Мойки, а она криво течет.

Дом № 13

Живу я, волею судеб, как раз на пересечении Невского и Большой Морской, в следующем после Дома Искусств доме № 13 – тоже историческом. Тут внизу был оружейный магазин, где, по одной из легенд, секундант Данзас покупал револьверы для пушкинской дуэли. Кроме того, здесь был и знаменитый картежный вертеп, где, волею Пушкина, проигрался Германн из «Пиковой дамы». А еще тут проигрался и сам Пушкин, да еще аккурат перед свадьбой! Но я – осторожно скажу – кажется, выиграл: хотя бы уже тем, что здесь поселился.

Как это произошло?

В 1988 году из Парижа в Петербург привезли последнюю поэтессу Серебряного века, подругу Гумилева Ирину Одоевцеву, и поселили в этом доме, только что прошедшем капитальный ремонт, в бывшем служебном флигеле в длинной несуразной квартире, бывшей коммуналке окнами во двор. Так было надо. Мол, у нас все в порядке, и эмигранты теперь едут назад. Когда-то Одоевцева была знаменита, мало того – очаровательна. Настоящее ее имя – Рада Густавовна Гейнике. Ее отец, Густав Гейнике, был богач. Раннюю юность она прожила у отца в Риге, о бурных событиях своего отрочества и ранней молодости она рассказала в романе «Ангел смерти» и книге «Девять повестей». В 1918 году она приехала в Петербург и сразу оказалась среди молодых писателей и поэтов, входивших в студию «Цех поэтов», которой руководил Гумилев. Чуковский, хорошо ее знавший, вспоминал: «Она была женщиной с примечательной внешностью: гибкая, тонкая, с узким лицом, с узкими длинными пальцами, с пышнейшей короной темно-рыжих волос цвета старой бронзы, с зеленовато-голубыми глазами, очень тонкой кожей той особой белизны, которая бывает только у рыжих. В одной из своих ранних баллад она говорит о себе как о перевоплощении кошки. Гумилев в посвященном ей стихотворении «Лес» называл ее «женщиной с кошачьей головой»… Она в своей стремительной кокетливой речи не произносила по крайней мере половины букв русской азбуки, что почиталось признаком величайшей изысканности. Она была всего только юной студисткой, а важные члены студии, признанные поэты нас, студистов, почти не замечали и держали себя с нами свысока. И вдруг все переменилось. Рада Гейнике, сделавшись Ириной Одоевцевой, стала центром всего примыкавшего к «Цеху поэтов» круга, стала душой этого круга, предметом его восхищения и почитания. Все мы знали тогда посвященное ей стихотворение Гумилева «Лес», которое заканчивается так:

Я придумал это, глядя на твои
Косы, кольца огневеющей змеи,

На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.

Может быть, тот лес – душа твоя,
Может быть, тот лес – любовь моя,

Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем.

А Георгий Иванов влюбился в нее пламенно, бурно и так, что об этом сразу узнали все. Он бегал за ней и робел перед нею, и помню, отец мой с удивлением говорил мне, что не ожидал в нем способности так по-мальчишески робко и простодушно влюбиться в женщину. Через несколько месяцев он женился на ней».

В 1921 году, после ареста Гумилева, арестовывали и причастных, и непричастных – и Одоевцева с Ивановым уехали за границу.

Большой знаток петербургской истории и литературы, автор замечательной книги «Невская першпектива», Серей Сергеевич Шульц, написал:

«Ни их стихи, ни их проза не публиковались в советских изданиях, но кое-что доходило до нас. В 1953 году мне удалось достать сборник воспоминаний Георгия Иванова „Петербургские зимы", изданный в 1952 году в Нью-Йорке издательством имени Чехова, и вместе с этой книгой – и перепечатки многих его стихов, написанных за рубежом. Только что умер Сталин, и я помню, какое ошеломляющее впечатление произвело на меня стихотворение Георгия Иванова „Стансы", посвященное тому событию». Прочтем вместе с вами это стихотворение:

И вот лежит на пышном пьедестале
Меж красных звезд, в сияющем гробу,
«Великий из великих» – Оська Сталин,
Всех цезарей превозойдя судьбу.

И перед ним в почетном карауле
Стоят народа меньшие «отцы» —
Те, что страну в бараний рог согнули, —
Еще вожди, но тоже мертвецы.

Какие отвратительные рожи,
Кривые рты, нескладные тела;
Вот Молотов. Вот Берия, похожий
На вурдалака, ждущего кола…

В безмолвии у сталинского праха
Они дрожат. Они дрожат от страха,
Угрюмо морща некрещеный лоб, —
И перед ними высится, как плаха,
Проклятого «вождя» – проклятый гроб.

Да – революция была кровавой – большинство лучших наших писателей не могли пережить гибель всего лучшего, что было, и в ужасе уехали. Однако не было бы революции – и не появился бы такой гений, как Зощенко. Гении превращают свою эпоху в шедевр, чаще всего – в шедевр трагический.

Но когда наступила «оттепель», все уехавшие вернулись – в основном, правда, только своими книгами. Кому из них не хотелось увидеть Родину? Даже Набоков, один из самых высокомерных, писал об этом пронзительные стихи. Одоевцева успела вернуться живой.

Ей было за девяносто, но она была блистательна как всегда, и в квартире окнами во двор сразу же расцвел вокруг нее замечательный «светский салон». Все, кто что-либо значил в литературе, были милостиво приняты ею. Долгожданная «смычка современности с Серебряным веком» произошла в этом доме, и я в этом участвовал. Одоевцева успела здесь выпустить свои превосходные мемуары – «На берегах Невы» и на «Берегах Сены», они рисуют прожитую ею жизнь отнюдь не благостно, многие знаменитые ее современники порой изображены несколько нетрадиционно… Когда она умерла, не оставив наследников, ее квартиру по действующему тогда закону должен был унаследовать писатель – и им оказался я. При социализме писатели зависели от власти, и такому сомнительному в их глазах автору, как

я, квартиру бы не дали – а при капитализме уже квартиры на Невском задаром не раздают. А я проскользнул в узкую щель между социализмом и капитализмом, когда твердые законы советской власти еще действовали, но самой власти уже не было, и она не препятствовала моим планам.

Зато уж об этом доме, привольно раскинувшемся на две самые лучшие в мире улицы – Невский и Большую Морскую – я знаю все. До его постройки как раз на этом месте была центральная часть деревянного Зимнего Дворца императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра Первого. В середине 1760-х обветшавший дворец был разобран. Известно, что затем именно здесь была мастерская Фальконе, работавшего над Медным Всадником. Екатерина Вторая поручила создать на этом месте дворец к восемнадцатилетию великого князя Павла Петровича, своего сына, будущего императора. Архитектор Фельтен создал проект здания, схожего с недавно построенным домом № 15. Но дворец по неясным причинам построен не был.

Затем на этом месте по проекту архитектора Львова предполагалось построить огромное здание «Кабинета Ея императорского Величества», которое должно было включать в себя все дворцовые службы. Но Екатерина Вторая скончалась, и стройка не началась.

Не было осуществлено и распоряжение императора Павла I о постройке на этом месте театра, хотя проект создал Винченцо Бренна. Сумма, отпущенная на строительство, была растрачена. Какое-то просто заколдованное место, островок вольнолюбия, доказывающий еще раз, что власть самодержцев в России отнюдь не всесильна, даже в столице! От начатых но незаконченных работ здесь долго оставался котлован, и дети из соседних домов (надо понимать, дети прислуги) после дождей тут катались на плотах.

И я рад, что здесь не построено очередное государственное учреждение. Иначе здесь не жить бы ни Ирине Одоевцевой, ни мне.

В 1804 году купцы-чаеторговцы братья Чаплины построили здесь большой дом, сохранившийся до настоящего времени. Старожилы до сих пор зовут его «чаплинским», хотя версии этого названия я слышал самые удивительные. По непроверенным данным, дом строил малоизвестный архитектор Беретти. Получился могучий красавец в стиле строгого классицизма, ставшего главным стилем при Екатерине Второй.

Знаменитый чаплинский магазин, торговавший не только чаем, но и «драгоценными плодами дикой промышленности сынов зимы – Камчадала, Алеута и Канадца», как писал Фаддей Булгарин, располагался на первом этаже на углу Невского и Большой Морской. Хозяева тоже жили на первом этаже, а верхние квартиры сдавали.

Уже в первые свои годы дом этот стал пользоваться не совсем хорошей славой – здесь шла главная в городе игра в карты, и многие квартиры снимали знаменитые игроки. Одним из них был граф Александр Петрович Завадовский, сын знаменитого фаворита императрицы Екатерины Второй Петра Васильевича Завадовского, сенатора, тайного советника, первого министра народного просвещения Российской империи. Ближайшим другом его сына был Александр Грибоедов, подолгу гостивший у Александра Завадовского, и, по некоторым сведениям, именно тут он написал два первых акта прославившей его комедии «Горе от ума».

Одна из самых громких историй, завязавшихся здесь, – знаменитая двойная дуэль из-за балерины Истоминой, воспетой Пушкиным: «Блистательна, полувоздушна, смычку волшебному послушна». Именно в этот дом Грибоедов привел Истомину в гости к Завадовскому, и она у него осталась. Молодой кавалергард Василий Шереметьев был влюблен в Истомину и даже собирался на ней жениться, несмотря на сопротивлении его семьи. Узнав об измене Истоминой, Шереметьев вызвал Завадовского на дуэль. Грибоедов, поскольку имел отношение к соблазнению Истоминой его другом Завадовским, должен был стреляться с другом Шереметьева Якубовичем, впоследствии знаменитым декабристом. На дуэли, состоявшейся 12 ноября 1817 года, Шереметьев был смертельно ранен. Дуэль Грибоедова и Яку-

бовича отложили, состоялась лишь в 1818 году в Тифлисе, где Якубович прострелил Грибоедову руку и воскликнул: «По крайней мере хоть играть перестанешь!». Позже Завадовский состоял на учете в полиции как один из самых родовитых и неукротимых шулеров. Поэтому принято считать, что Германн из «Пиковой дамы» проигрался как раз в этом доме. Знаменитый игрок Огонь-Дугановский, тоже останавливающийся здесь и в пух обыгравший Пушкина перед самой его женитьбой, из-за чего пришлось продавать драгоценности молодой жены, и изображен в «Пиковой Даме» в образе Чекалинского.

И тут же жил родной брат Александра Завадовского, Василий, успешный чиновник, обер-прокурор Сената, в молодости сочинявший стихи и друживший с Пушкиным. Его красавице-жене Пушкин посвятил стихи: «Все в ней гармония, все диво». Надо думать, Пушкин в этом доме бывал.

Тут жил и знаменитый историк Бантыш-Каменский, автор замечательного и весьма полного «Словаря достопамятных людей России». В 1867 году здесь поселился композитор Модест Мусоргский. Широко известна его гениальность и его роковая слабость, столь распространенная на Руси и сгубившая его. Любимым его местом был трактир «Малоярославец», расположенный тоже на Большой Морской у самой арки Главного штаба.

Здесь располагалась и редакция журнала «Нива», самого популярного в России, и знаменитый книжный магазин издательства Вольфа. Да, большая ответственность – жить в таком доме. Чтобы войти в его историю, надо немало совершить.

После революции здесь было открыто петроградское отделение Госиздата, редакции издательств «Земля и Фабрика», «Ленкогиз», и уже на моей памяти здесь находился магазин «Книг стран народной демократии», где стояли часовые очереди за изданиями Шагала, Пикассо и других художников, впервые появившимися в нашей стране.

И более поздние времена оставляют свои следы тут. В советское время на доме № 15, бывшем Благородном собрании, красовались несоразмерно большие буквы – кинотеатр «Баррикада». И мы, юные скептики и насмешники, иронизировали: надо же быть такими идиотами – для такого знаменитого элегантного угла не придумали ничего лучше «Баррикады». Настали другие времена. И «Баррикада» теперь закрыта. Ура! Зато через дорогу, на моем родном доме вскоре появилась надпись – бистро «Барракуда». Это, наверное, то, за что мы боролись в Перестройку? Вот насколько богата и разнообразна история только одного дома на Невском – № 13!

Но этим домом «литературный Невский» не кончается. Невский литературен до самого конца.

Дом № 18

Дом под номером 18, дом купца Котомина, известен тем, что там находилось кафе Вольфа и Беранже, роковое в жизни Пушкина – здесь он встретился со своим секундантом и отсюда уехал на дуэль. Затем в этом же доме открылся весьма популярный ресторан Вильгельмины Лейнер. Газетный обозреватель так охарактеризовал его: «Ресторан, где скверно кормят, отвратительное низкое помещение, с начала вечера наполняющееся клубами табачного дыма и испарениями, но куда почему-то собираются каждый вечер представители всех свободных профессий – артисты, художники, литераторы». Постоянно посещали этот ресторан знаменитые артисты Александринского театра, завсегдатаем был один из театральных кумиров Мамонт Дальский. Здесь, по его воспоминаниям, он познакомился с Федором Шаляпиным.

Однако нельзя не отметить и роковую роль этого заведения. Здесь в последний раз ужинал великий композитор Петр Ильич Чайковский и наутро у себя дома, неподалеку отсюда, на Малой Морской, почувствовал себя плохо, и хотя к нему прибыл придворный лейб-медик Бертенсон, Петр Ильич рано утром 25 октября 1893 года скончался. История этой смерти загадочна. Отравление? Самоубийство? Вторая версия, которая официальной так и не признана, связана с нетрадиционной сексуальной ориентацией великого композитора. По сведениям, дошедшим от Елизаветы Карловны Якоби, жены сенатского прокурора Николая Якоби, учившегося вместе с Чайковским в Училище правоведения, Чайковский пытался соблазнить несовершеннолетнего племянника графа Стенбок-Фермора. Граф пожаловался императору Александру Третьему, тот передал жалобу в Сенат. Тогда Якоби как обер-прокурор Сената вынужден был собрать у себя бывших соучеников по Училищу правоведения, включая Чайковского.

Композитора убедили принять яд, пока позорная история не распространилась и не состоялся суд. И он якобы сделал это. По официальной версии, быть может, и наиболее правдивой, Петр Ильич Чайковский умер от холеры, которая в это время была весьма распространена, выпив стакан сырой воды.

Оставил тяжелый след этот популярный некогда ресторан и в судье поэта Блока. Весной 1906 года здесь произошла встреча Александра Блока и его жены Любови Дмитриевны с поэтом Андреем Белым. Вот что мучило в ту пору всех троих: Белый был влюблен в Любовь Дмитриевну, та отвечала ему взаимностью, но страдала. Белый писал Блоку: «Она мне нужна для путей несказанных…»

В конце концов, по воле Любови Дмитриевны, было принято решение, что они с Белым расстаются. Белый откликнулся на это стихотворением:

Ты – тень теней…
Тебя не назову.
Твое лицо —
Холодное и злое…

Дом связан с именем еще одного гения. Именно здесь, по воспоминаниям Набокова, мама, когда он болел скарлатиной, исполнила его странную болезненную просьбу: купила из витрины писчебумажного магазина Треймана огромный рекламный карандаш-гигант и привезла ему. И Набоков вскоре поправился. Может быть, уже начала проявляться необыкновенная фантазия Набокова, и его будущая писательская судьба, предчувствуемая им, «нарисовалась» в образе огромного карандаша?

Потом здесь был известнейший букинистический магазин, популярный среди писателей, ценивших все необычное. Я тут тоже купил несколько «художеств», до сих пор радующих меня. Открывшееся в этом доме уже в наши дни «Литературное кафе» популярностью, как ни странно, не пользовалось – то ли писатели стали беднее, то ли они не любят, когда всем известно, где надо их искать.

Дом № 16

Дома на Невском проспекте были домами знати. Дом № 16 был долгое время домом Трубецких. Сергей Трубецкой, чья судьба трагически переплелась с судьбой Лермонтова, отличался смелостью и буйством, неоднократно переводился из полка в полк и имел несчастье, служа на Кавказе, оказаться секундантом Мартынова в его дуэли с Лермонтовым, хотя, по рассказам современников, пытался эту дуэль предотвратить.

В этом доме снимал помещение Суворин для своего «Литературно-художественного общества». Суворин был издателем весьма популярной газеты «Новое время», дружил с Чеховым и печатал его.

В наши дни дом этот привлекал внимание всего города магазином «Демократическая книга» – потому что в странах народной демократии Венгрии, Польше, Чехословакии гораздо раньше, чем у нас, начали печатать монографии импрессионистов, а потом и других неизвестных в советской стране художников, и очередь в этот магазин иногда приходилось занимать с вечера. Стоял в этих очередях и я, и потом радостно нес домой вкусно пахнущую монографию, например, Шагала.

Дом № 6

В доме № 6, который прежде назывался домом Таля, снимал квартиру близкий друг Пушкина Сергей Александрович Соболевский, у которого поэт часто бывал. В знак особого своего расположения Пушкин напечатал один экземпляр своей поэмы «Цыгане» на специальном пергаменте и подарил Соболевскому. Пушкин заказал художнику Тропинину свой портрет, ставший впоследствии очень известным, и подарил его Соболевскому. В квартире Соболевского собиралось изысканное общество: А. С. Пушкин, А. И. Тургенев, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, М.И. Глинка.

Дом № 3

Во втором доме от конца (или от начала?) проспекта – по нечетной стороне – долгие десятилетия уже при моей жизни находилась редакция журнала «Нева». Время было советское, все это время ругали – и, безусловно, заслуженно. Широкая, но грязная мраморная лестница. Навсегда потухший камин на площадке. А дальше авторы расходились по фанерным клетушкам, столь характерным для советских коммуналок, к своим редакторам. Там шли горячие споры, там курили, пили – в общем, кипела жизнь, журнал был хорош и весьма популярен.

Главный редактор журнала в 80–90-е годы Борис Николаевич Никольский был строен, прям, строг. Естественно, он был партийным назначенцем – иначе главными редакторами и не становились тогда, но имел нрав прямой, твердый, самостоятельный, и журнал вовсе не был партийным рупором, и халтура на даже самую нужную тему не проходила тут. Помню, я встретил там еще совсем юного, но уже грустного Сергея Довлатова с толстой папкой в руке. «Вот – сказал он – Представляешь? Написал роман о рабочем классе, полгода угробил. Уж это-то напечатают, думал. И – не берут! То есть – другие душу дьяволу продают. А я ее просто так подарил, бесплатно». Представляю себе, сколько души он туда вложил. Да нисколько! Издевался и над собой, и над рабочим классом – над тем, вернее, как о нем принято было писать. И дьявол его жертвы на самом деле не принял, дьявол тоже неплохо соображал. И Довлатов сохранил себя до тех лет, до тех мест, где он смог по-настоящему проявиться.

И журнал «Нева» тоже дожил до лучших времен. И в девяностые годы в нем печатались лучшие тогда вещи. И все дело в Борисе Никольском. Он тоже дождался своего времени, когда все уже зависело не только от системы, но и от отдельных людей – и тут Борис Николаевич показал себя. И вышли вещи остро современные, о каких совсем еще недавно нельзя было мечтать, да нелегко было отстаивать их и теперь! Но Никольский, как Твардовский в свое время, совершил в своем журнале небывалый литературный переворот. И появились немыслимые прежде роман Дудинцева «Белые одежды», повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна», блокадные записи Лихачева «Как мы выжили» и многое другое, немыслимое прежде, да и тогда довольно опасное.

То были лучшие годы. На общем подъеме Никольского избрали в Верховный Совет, который буквально светился тогда лицами самых лучших людей. Недавно Борис Николаевич выпустил книгу о том времени с горьким названием «Святая простота». Теперь «Невы» в этом доме нет. Причина, я думаю, понятна: «Не тем торгует, дохода не принесет! Стереть, как всю ленинградскую пыль!». Глупо, конечно. Всегда Невский был литературный проспект – и кто не понимает этого, лишает город лица.

Дом № 2

Этот дом, последний, а точнее, первый на четной стороне Невского проспекта, представляет собой конец огромного здания Генерального штаба, развернувшегося вдоль Дворцовой площади. Много что можно рассказать о нем. Здесь служил Вольховский, соученик Пушкина, окончивший курс первым, то есть лучшим.

Тут открывается вид на Дворцовую площадь и Александрийский столп – памятник Александру Первому в честь его победы над Наполеоном. Пушкин, мы знаем, как, сравнил свой нерукотворный памятник с памятником царю: «…Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа!»

Но не только Пушкин. В советское время в крайнем доме Невского, за № 2, поселилось множество советских учреждений, всяческие народные комиссариаты, среди них Отдел Управления Петроградского Совета, занимающийся, в частности, распределением продуктов питания. Возглавлял этот отдел Яков Белицкий, и окна его выходили на площадь Урицкого (так стала называться Дворцовая площадь после убийства Урицкого), и на Александрийский столп (который, к счастью, не переименовали). Сотрудница отдела Надежда Павлович, хорошая знакомая поэта Ходасевича, приглашала его читать свои стихи перед сотрудниками отдела. Гонорар он получал продуктами. Однажды получил изрядное количество куриных яиц и, глядя в окно на Александрийский столп, посвятил своей благодетельнице шутливое стихотворение «Памятник» в подражание пушкинскому:

Павлович! С посошком, бродячею каликой
Пройди от финских скал вплоть до донских станиц,
Читай мои стихи по всей Руси великой, —
И столько мне пришлют яиц,

Что если гору их на площади Урицкой
Поможет мне сложить поклонников толпа —
То, выглянув в окно, уж не найдет Белицкий
Александрийского столпа.

Потом Ходасевич уехал. Нет уже многих гениев, но их строки – это по-прежнему главное, что есть в нашем городе. Так же «светла Адмиралтейкая игла», как сказал Пушкин, и так же летит «кораблик желтый негасимый из Александровского сада», как написал Бродский. Два гения с промежутком в сто пятьдесят лет, Пушкин и Бродский, черпали вдохновение здесь.

Невский проспект – не только музей под открытым небом. Он остается главной улицей города и в наши дни. Как и во времена Гоголя, разного рода прохожие заполняют его в разное время суток. На рассвете сюда вылезают из щелей люди несчастные, бездомные – чаще всего их путь лежит через Садовую на Сенную площадь, где, разгружая товар, можно поправить свое благосостояние и здоровье.

Потом наступает время транспортной давки, и только лишь после этого Невский открывается во всей красоте, как лучшее место для гуляния, покупок и знакомств.

Именно здесь видно, что главное в жизни города, как он изменился и чем он стал. Когда-то в дни советских праздников его заполняла шумная толпа с лозунгами и транспарантами. Считалось, что они славят власть, мудрое ее руководство – но страшно вспомнить, как плохо были одеты они, сколько пьяных в толпе. Когда говорят, что в наши дни необыкновенно упала общественая нравственность, я вспоминаю те так называемые праздничные

дни! Валяющийся на тротуаре Невского, весь покрытый грязью «празднователь» вовсе не был чем-то необыкновенным, таких, пройдя по Невскому, можно было насчитать десятки – и никто, включая милицию, не обращал на них особого внимания: «А что такого? Нормально!» Что удивительно, почему-то в советские времена именно на праздники, особенно на 1 мая и 7 ноября, была удивительно мерзкая погода, летел мокрый снег.

Казалось бы, время демонстраций миновало – но вдруг совсем недавно, в день объявления так называемых льгот, в действительности отменяющих бесплатный проезд для пенсионеров, они вдруг собрались на Невском, перегородили проезд и добились дешевых проездных карточек. По-прежнему – все самое главное в нашем городе отражается на Невском. Стоят пацифисты у памятника Гоголю с транспарантами. У Гостиного бодрые старушки и с ними очень мрачные юноши продают газетки с портретами Сталина и, как ни странно, свергнутого и расстрелянного царя. Тут же – и бородатые анархисты с черными знаменами. Но демонстрантами теперь Невский не запружен. Теперь настали другие праздники. Толпы молодежи тесно идут на рок-концерты на Дворцовой. В дни игр «Зенита» проспект заполняется размалеванными в сине-бело-голубые цвета болельщиками. Или вдруг всю ширь его заполняют своими голубыми или зелеными фуражками боевые друзья: десантники или погранцы.

Увидев давнего друга, кто-то с воплем бросается через весь проспект. Невский по-прежнему – любимое место встреч! Особенно летом, когда на тротуарах появляются открытые кафе, где гости нашего города, а иногда и коренные его жители, блаженствуют за столиками. И смотришь не без гордости: и наши теперь выглядят не хуже иностранцев, а девушки так даже красивее! Жизнь все-таки идет к лучшему. Скажу о себе: счастье мое продлится столько, сколько я смогу ходить по Невскому и быть здесь своим. Нет ничего лучше Невского проспекта!

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД

Невский, заканчиваясь, «впадает» в роскошный Александровский сад с могучими старыми деревьями, памятниками, фонтанами. Возле фонтана – бюсты великих петербуржцев: Лермонтова и Гоголя, поставленные в 1896 году, композитора Глинки, появившийся в 1899-м, и дипломата Александра Горчакова, – в 2009.

На постаменте памятника Лермонтову надпись: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Город С. – Петербург. 2 октября 1814 года – 15 июля 1841 года». Лермонтов, столько сделавший в русской литературе, переживший столько событий в жизни, успел все это, не дожив даже до 27 лет! В это трудно поверить. На левой грани постамента – строфа из стихотворения поэта:

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «он любил отчизну!»

На правой грани – еще одна цитата:

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой,
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Как Лермонтов смог столько сделать за свою короткую жизнь? Как ни горько это звучит, толчком к раннему раскрытию дарований способствует детство, проведенное без родителей, а также тяжелая жизнь, полная потрясений. Мать Лермонтова умерла, когда ему было три года, а отца фактически отлучила от ребенка бабушка. И Лермонтов с ранних лет был предоставлен страданиям, спасался в мечтах о какой-то далекой, яркой, необыкновенной жизни – из этого очень рано появились первые его стихи. И то была не просто игра с рифмами, как могло бы случиться в жизни благополучного мальчика – нет, это сразу были строки, полные страстей и необыкновенных образов – и дальше эти качества поэзии Лермонтова только развивались. Этому способствовала и крайне напряженная жизнь, продиктованная во многом его буйным, неуправляемым темпераментом. Проведя всю раннюю юность под гнетом своей властной бабушки в ее поместье Тарханы, Лермонтов наконец вырвался на свободу.

Бабушка его, Елизавета Алексеевна Арсеньева, личность яркая и незаурядная, конечно, весьма способствовала развитию рано проявившихся способностей внука, и в то же время диктовала ему, как он должен жить, и юный Лермонтов был рад вырваться на свободу. Хотя от влияния ее он так и не избавился, и оно оказалось роковым: именно она настояла на военной карьере внука. А Михаил уже ясно видел себя поэтом, сомнений у него никаких в этом не было – и он поступил в московский университет. О себе писал он так:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Это не просто звонкие строки – Лермонтов как всякий большой поэт отвечал за свои строки жизнью, судьба его действительно таковой и была: «гонимый миром», он ушел из университета, ему скучны были банальные лекции, неинтересны ровесники студенты. Он чувствовал свое превосходство, вел себя высокомерно, насмешливо и не ужился в университете, погряз в «хвостах», несданных экзаменах.

16 июля 1832 года, восемнадцати лет от роду, он появился на невских берегах в надежде перевестись в петербургский университет – может быть, не такой скучный. Но страстные и не совсем обоснованные надежды не сбылись: тут отказались зачесть годы не слишком прилежного обучения в прежнем университете и предложили поступать заново. Но Лермонтову легче прыгнуть в бездну, чем унижаться – это свойство его определило и жизнь, и стихи. И вместо того, чтобы прилежно и настойчиво пробиваться в университет, он сделал шаг наиболее отчаянный из всех возможных: поступил в школу кавалерийских юнкеров и гвардейских прапорщиков и начал свою военную карьеру. Протекцию ему оказал Столыпин, родственник по линии бабушки – в этом повороте лермонтовской судьбы явно чувствуется ее властная рука. Военная школа, в которую поступил юный Лермонтов, была на месте нынешнего Мариинского дворца, у Синего моста на Исаакиевской площади, совсем недалеко от Александровского сада, где будет поставлен памятник Лермонтову – в военном мундире.

Итак, вернемся к началу петербургской жизни Лермонтова, 1832 год. Он только начал свой путь – а ему оставалось всего девять лет жизни! И сколько он успел за эти годы сделать!

К необыкновенному дару часто прилагается и необыкновенный характер – это как раз случай Лермонтова. Как и положено поэту, он был страстно влюблен в знаменитую московскую красавицу Лопухину и писал ей взволнованные и одновременно – изысканные письма: «Я до сих пор предназначал себя для литературного поприща и принес столько жертв своему неблагодарному кумиру, и вдруг становлюсь воином».

Обучаясь в военной школе, он жил в скромном домике у своего дяди Никиты Арсеньева – там, где сейчас улица Печатников, в тихой, ветхозаветной петербургской Коломне, столь проникновенно описанной Гоголем в его «Портрете».

Однако жизнь его отнюдь не была тиха – даже среди будущих гусар он выделялся буйным неуправляемым характером. Однажды поспорив, что усидит на необъезженной лошади, он попал в лазарет и на всю жизнь остался хромым – что, однако, ничуть не мешало его дальнейшим подвигам. Несмотря на юный возраст, он появился в большом свете Петербурга, вел себя дерзко и сразу стал заметной фигурой. Но самое главное, происходившее в тайне от окружающих, – его поэтическая жизнь, его стихи. И что поразительно – уже в самом начале они – совершенны.

Он был рожден для счастья, для надежд,
И вдохновений мирных! – но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной…

Закончив школу, он служил в Царском Селе, в лейб-гвардии гусарском полку, вел обычную бурную жизнь гвардейского офицера и при этом написал «Мцыри», драму «Маскарад», начал «Героя нашего времени» – то есть все то, что до сих пор учат в школах, сам при этом едва выйдя из школьного возраста! Да – гений есть гений! У него все по-своему. Поразителен, например, такой момент: оказавшись на гусарской службе в знаменитом Царском Селе, так замечательно воспетом Пушкиным, которого он обожал… Лермонтов ни строчки не написал о Царском Селе, где все, казалось, дышало поэзией! Все делать по-своему, никогда не повторяться, никому не подражать – вот одна из главных заповедей гения. Его влекли более дальние земли – например, Аравийская пустыня… Ну и, конечно, Кавказ! Еще в дет-

стве однажды побывав там, он сразу проникся любовью к этой гордой, вольнолюбивой и зачастую – враждебной местности. «А он, мятежный, ищет бури». Потом он оказался на Кавказе в ссылке, отважно воевал, на Кавказе был убит на дуэли – любовь его к Кавказу была роковой. По его характеру, по духу его стихов, любовь и должна быть смертельно опасной – только тогда она и достойна поэзии.

Он «ищет бури» буквально везде. Сразу поле смертельной дуэли Пушкина он написал стихотворение «На смерть поэта», которое сразу сделало его знаменитым.

Погиб поэт! невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой.
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

А потом, через несколько дней, добавил строки, за которые ему пришлось сурово ответить. Все знали, что в дуэли Пушкина виноваты люди из высшего общества, распространявшие сплетни, в том числе и письменные, об измене жены Пушкина, Натальи Николаевны, с Дантесом. Но так прямо, как Лермонтов, об этом еще никто не говорил.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – все молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью,
Поэта праведную кровь!

Когда шеф жандармов Бенкендорф, прочитавший эти стихи, ходившие в списках, пришел доложить о них императору Николаю I в Зимний Дворец, тот встретил его с листками в руках:

– Полюбуйтесь, что пишут ваши верноподданные гусары!

На листке сверху была надпись «Призыв к революции». Сам Лермонтов такого названия не давал – его добавил кто-то из «слишком бдительных». И император услышал имя того, кто стал после смерти Пушкина первым поэтом России: Лермонтов.

Сначала жандармы поехали на место службы Лермонтова, в гусарские казармы в Царском Селе, потом поехали на съемную квартиру на Садовой улице, где Лермонтов жил вместе с бабушкой Елизаветой Алексеевной которая и сюда приехала, чтобы приглядывать за Мишелем. Но увы – не доглядела. Лермонтова взяли прямо на ее глазах и отвезли под арест в одну из комнат Главного штаба на Дворцовой площади. И об этом Лермонтов написал:

Одинок я – нет отрады;

Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно – за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

И вскоре, по «милостивому решению» царя, Лермонтов был переведен в Нижегородский драгунский полк. Был гусаром – стал драгуном. Но суть в том, что Нижегородский драгунский полк находился в это время на Кавказе и воевал с чеченами. И Лермонтов оказался там, где в каждом бою мог быть убит. И это еще преподносилось, как «снисхождение» к нему: поначалу рассматривалось решение послать его служить на север, в Олонецкую губернию. Впрочем, сам Лермонтов был чуть ли не в восторге. Как писал великий Пушкин: «Есть упоение в бою». И потом – Лермонтов с детства обожал Кавказ, мечтал о нем! И Лермонтов уехал из Петербурга.

Но в Петербурге Лермонтова не забыли. Лучшие люди того времени понимали, что если вслед за Пушкиным погибнет Лермонтов – это будет окончательный позор для России, покажет ее всему миру с самой плохой стороны. За Лермонтова хлопотал великий поэт Василий Жуковский, приближенный ко двору, воспитатель царских детей. Он нашел подходящую минуту и передал Николаю героическую поэму Лермонтова «Бородино», где воспевалась русская победа в сражении с Наполеоном, сказал царю, что такого поэта, как Лермонтов, нельзя терять. Да и замечательная бабушка Лермонтова, Елизавета Алексеевна, не давала покоя шефу жандармов Бенкендорфу, и тоже с поэмой «Бородино» в руках. Добрые чувства были не чужды властителям той поры и, пользуясь случаем – поездкой царя на Кавказ для смотра войск, Бенкендорф замолвил словечко за Лермонтова. И 11 октября 1837 года Лермонтов был переведен по указанию царя снова в престижную «лейб-гвардию», в Гродненский гусарский полк. И по пути к новому месту службы Лермонтов снова появился в Петербурге. И здесь, хлопотами своей потрясающей бабушки, Лермонтова вернули туда, откуда сослали, – снова в гусарский полк в Царском Селе!

Однако на прежнем месте поэту не нравилось, без Пушкина литературная жизнь в столице казалась ему пустой и ничтожной.

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк»
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

В феврале 1838 года на Масленицу, на балу у графини Лаваль у Лермонтова произошла стычка с сыном французского посланника де Баранта, который посмел ухаживать за княгиней Марьей Щербатовой, в которую Лермонтов тогда был влюблен. Лермонтов стал упрекать ее за то, что она допускает ухаживание этого французика, такого же искателя приключений и карьеры, каким был Дантес. Сходство этой ситуации с той, что погубила Пушкина, чрезвычайно бесила Лермонтова. Барант вызвал Лермонтова на дуэль. К счастью, она закончилась бескровно: Барант промахнулся, а Лермонтов выстрелил в воздух. Дуэли тогда были наказуемы, не всегда сурово – но по отношению к непокорному Лермонтову была выбрана самая серьезная форма наказания – он был предан военному суду и посажен под арест в Ордонансгауз на углу Садовой и Инженерной улицы, где и сейчас, кстати, находится военная гауптвахта.

И здесь произошла поразительная встреча, хотя и закономерная: два великих человека должны были встретиться и поделиться мыслями – к Лермонтову пришел на разрешенное начальством свидание замечательный критик Белинский. В чем заслуга Белинского? Он вернее всех понимал ситуацию в литературе, наиболее точно оценивал качества современных литераторов – и, как показала история, не ошибался: именно он выделил из прочих Гоголя, Лермонтова, Достоевского.

Как относилось к Лермонтову тогда большинство окружающих? Нельзя сказать, что высший свет состоял из людей злых или необразованных – наоборот, добросердечие, воспитанность были нормой. Но они видели перед собой не слишком любезного, неоправданно высокомерного, как казалось им, неудачливого офицера, некрасивого и хромого, то и дело затевающего скандалы. С такой, чисто внешней точки зрения и не за что было его любить. Нужно было так чувствовать литературу, как Белинский, чтобы оценить Лермонтова. С точки зрения света вокруг Лермонтова постоянно происходила лишь скандальная суета, но на самом деле в глубине его души шла огромная духовная работа – и Белинский был потрясен совершенством и глубиной уже созданных лермонтовских стихотворений «Дума», «Поэт», «Не верь себе», «Дары Терека», «Памяти Одоевского», «И скушно, и грустно», «Как часто, пестрою толпою окружен». Восхищенный Белинский называл поэзию Лермонтова «поэзией мысли» и был прав. Перед встречей Белинский очень волновался, боясь, что Лермонтов встретит его обычной насмешливой гримасой, как было при их предыдущих встречах – но Лермонтов, растроганный тем, что Белинский не побоялся посетить его под арестом, вел себя просто и серьезно, и они говорили о самых важных и глубоких проблемах. Белинский как раз писал статью о поэзии Лермонтова, а эта встреча оказалась столь ценной!

И как важно, что она успела состояться! Теперь Бенкендорф уже не заступался за Лермонтова, и царь написал свое решение: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином». Вот теперь Лермонтов попал на настоящую войну, из крепости Грозной, которая стояла на месте нынешнего города Грозного, ходил в походы в Большую и Малую Чечню и участвовал в опаснейших схватках. Вот – битва на реке Валерик:

… И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери. Молча. С грудью грудь.

После гибели в бою его друга, ссыльного декабриста Лихарева, которого чеченцы изрубили на куски, Лермонтов собрал группу самых отчаянных, «лермонтовский отряд», и повел партизанскую войну. Не дожидаясь никаких приказов, они врывались на неприятельскую территорию, и начинался бой. Очевидцы вспоминают Лермонтова в бою – в расстегнутом сюртуке, в молодецки заломленной на голове белой холщовой шапке, на белом, как снег, коне Лермонтов казался каким-то диким атаманом.

Можно вспомнить, что Лермонтов еще в детстве, когда дрался с ровесниками, кричал: «Они меня не слушаются! Я – атаман!»

Лермонтов был представлен в списке командующего кавалерией князя Голицына «К золотой сабле за храбрость». И получил к тому двадцативосьмидневный отпуск в Петербург.

На этот раз Лермонтова встретили в Петербурге восторженно – и как героя войны, и как автора уже вышедшего и сразу всеми прочитанного романа «Герой нашего времени», и автора сборника лучших его стихотворений. Отпуск пролетел быстро. Ценившие Лермонтова поклонники пытались выхлопотать у царя прощение поэту и разрешение остаться в Петербурге – но получили отказ. Поступил приказ: в двадцать четыре часа покинуть столицу и ехать в полк. Лермонтов едва успел проститься с друзьями. Он был грустен и постоянно заговаривал о смерти.

По пути в отряд Лермонтов вдруг решил заехать в Пятигорск, где всегда бурлило веселье, – это было место отдыха воинов. Его друг Столыпин, с которым они ехали, спорил с ним, говорил, что приказано ехать в полк. Они кинули монету, и выпало – Пятигорск!

Там кипела светская жизнь, всюду мелькали щегольские мундиры – многие восстанавливали тут здоровье после болезней и ран. Лермонтов окунулся в светскую жизнь и попрежнему язвил, острил, издевался над недостатками ближних – и был убит на дуэли своим старым приятелем Мартыновым 15 июля 1841 года. Как Лермонтов и предчувствовал при отъезде, – больше Петербурга он не увидел.

***

Недалеко от бюста Лермонтова стоит в Александровском саду исполненный в том же стиле бюст композитора Михаила Глинки. Дальше – поставленный совсем недавно, но по исполнению не отличающийся от соседних, бюст Александра Горчакова, замечательного дипломата, в конце жизни – канцлера. Для любителей литературы он интересен прежде всего тем, что был однокашником Пушкина в Лицее. Горчаков окончил Лицей среди лучших и сделал великолепную карьеру – но, как и все лицеисты, сохранил прежнюю дружбу, верность принципам. «Друзья мои! Прекрасен наш союз!» – написал Пушкин. А Горчакову он посвятил нежные строки:

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней.
Хвала тебе! Фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной
Все тот же ты – для чести, для друзей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.